

На плацу понемногу собирались танцовщицы. Среди них мелькнула и Хэ Цзяоцзяо со своими подругами. Чуть поодаль распевались вокалисты и артисты разговорного жанра — им утренняя пробежка не грозила.

Сун Чжиши, Пэн Сутао и Чжоу Хэпин оставались редким исключением в женском царстве Танцевальной труппы. Ещё вчера они натерпелись от любопытных взглядов, а сегодня внимание к их скромным персонам только утроилось.

Чтобы пресечь шепотки, Сун Чжиши скомандовал приятелям:

— Побежали.

Чжоу Хэпин и Пэн Сутао безоговорочно признавали его лидерство, поэтому послушно пристроились в хвост. Стоило парням сорваться с места, как липкие девичьи взоры наконец их оставили.

Пока ребята наматывали второй круг, на плацу неторопливо соизволили появиться старожилы Танцевальной труппы. Плелась среди них и Чжу Луша. Вид у неё был понурый и замученный — видать, последние дни дались избалованной девице несладко.

После пробежки и быстрого завтрака, урвав считанные минуты отдыха, все потянулись в балетный класс.

Руководителя пока не было. Народ разбрелся по залу: кто сидел, кто стоял, сбившись в небольшие стайки и вполголоса переговариваясь. Лишь пара человек сознательно разминалась у станка.

Для Чжоу Хэпина и Пэна Сутао всё это было в новинку. Они топтались на месте, не зная, к какому боку приткнуться, так что Чжиши пришлось взять шефство над товарищами и показать им самые азы.

В этот момент двери распахнулись, впуская группу артисток. Возглавлявшую их девицу Чжиши прекрасно помнил по прошлой жизни. Это была Ян Хуэйцин — бесспорная прима Танцевальной труппы.

Красавицей Хуэйцин назвать было трудно — даже миловидной её признали бы с натяжкой. Зато природа наградила её точеной, хрупкой фигурой и великолепной балетной осанкой. В мастерстве ей не было равных, поэтому в отсутствие капитана Чжу именно Ян Хуэйцин заправляла репетициями, гоняла новичков и раздавала поручения. Коллеги не сомневались: как только Чжу Фанцзе уйдет на покой, её место займет именно прима.

Несмотря на иероглиф «мудрость» в имени, мягким характером прима не отличалась — нрав у неё был на редкость стервозный и властный. Впрочем, её колкость разнилась с поведением Чу

Сюйин. Сюйин была острой на язык, но по-хорошему боевой и открытой, а её кукольная внешность лишь добавляла очарования, делая похожей на задорный перчик чили.

Ян Хуэйцинъ же с её высокими скулами и хищным разрезом глаз без улыбки казалась форменной мегерой. Поговаривали, что баба она вздорная, придирчивая и мстительная. Слава о её склочном характере гремела на весь ансамбль песни и пляски, так что новобранцы в её присутствии старались лишний раз не дышать и сидели тише воды, ниже травы.

Сун Чжиши покосился на вошедшую следом Чжу Лушу. Спесивая столичная штучка плелась позади всех, уныло повесив нос, что заставило Чжиши оценить правдивость слухов о прима как минимум процентов на девяносто.

Ян Хуэйцинъ держала в руках ведомость. Все замерли, ожидая переключки, однако прима лишь небрежно скользнула взглядом по залу и громко спросила:

— Кто тут Сун Чжиши?

— Я, — отозвался Чжиши, шагнув вперед.

Ян Хуэйцинъ смерила его оценивающим взглядом с ног до головы и презрительно фыркнула:

— Ты в курсе, что числишься временным артистом?

Чжиши растерялся. Принимая его в ансамбль песни и пляски, Чжу Фанцзе назвала его «запасным» — лишь бы отделить от основного состава. Ни о каком временном найме речи не шло. Но если он «временщик», то это обычный договорной рабочий без постоянной ставки. Совершенно другой статус, не сулящий никаких гарантий.

Заметив его замешательство, Ян Хуэйцинъ добавила:

— Места в классе мало. Раз уж на сцену тебе всё равно не выходить, незачем тут толкаться и мешать другим. Можешь быть свободен.

Присутствующие сразу смекнули: прима решила устроить новобранцам показательную порку. И Сун Чжиши, которого так рьяно опекала сама Чжу Фанцзе, идеально подходил на роль козла отпущения.

Молодости свойственна горячность. Быть с позором выставленным за дверь в самый первый день — такое унижение стерпит далеко не каждый.

Пэн Сутао, как истинный выходец с сурового северо-запада, отличался прямоотой и робостью перед начальством не страдал. Он-то прекрасно знал, на что способен Чжиши. От

несправедливости у парня кровь бросилась в голову, он уже дернулся вперед, чтобы высказать приме всё, что о ней думает, но испуганные товарищи вовремя ухватили его за локти.

Связываться со злопамятной примой не хотелось никому — все до смерти боялись, что она заживо их сгноит придирами.

Сун Чжиши тоже не собирался молча глотать обиду. Он уже открыл было рот для отповеди, но, заметив злорадные ухмылки за спиной Ян Хуэйцинь, мгновенно остыл. Окружающие только и ждали скандала.

«Ну и пусть злорадствуют, — подумал он. — Я уже однажды умер. Неужели меня испугают эти жалкие козни?»

— Хорошо, я понял, — покорно согласился Чжиши и под изумленными взглядами коллег развернулся и зашагал к выходу.

Такой покладистости Ян Хуэйцинь не ожидала. Решив, что парень обычный слабак и бесхребетная размазня, она потеряла к нему всякий интерес.

— Итак, начнем переключку! Линь Фан! Су Пин!..

Выйдя за порог, Чжиши не спешил уходить. Он никогда не нарывался на ссоры первым, но и трусом не был. Раз уж на него напали без причины, оставлять это просто так он не собирался.

Но как проучить спесивую приму? Вот в чём загвоздка.

Закатить сцену при всех — худший из возможных вариантов. Бежать с жалобами к Чжу Фанцзе — решение получше, но всё равно слишком банальное. Какой же ход станет идеальным?

Чжиши задумчиво посмотрел на административный корпус ансамбля. Память подсказывала: кабинеты руководства располагались на третьем этаже, прямо над внутренним двором.

Завершив переключку, Ян Хуэйцинь принялась гонять новобранцев. Ей требовалось отобрать перспективных танцоров в свой состав, а бездарей списать со счетов за ненужностью.

Бросив случайный взгляд на улицу, она заметила симпатичного юношу. Тот неприкаянно бродил у входа, напоминая растерянного дурачка. Ян Хуэйцинь окончательно успокоилась — такой хлюпик точно не побежит жаловаться.

Убедившись, что на него больше никто не смотрит, Чжиши тихонько скользнул к спортивному плацу.

Там стояли обычные турники и брусья для физподготовки солдат. Для разминки и растяжки — самое то.

Закинув ногу на перекладину брусьев, Чжиши вытянул носок, плавно развернул корпус и наклонился, прижимаясь ухом к колену.

Растягивая связки, он краем глаза неотрывно следил за окнами третьего этажа административного корпуса.

Кабинет на третьем этаже

В это время директор Ли Минхуэй вела неспешную беседу с Чжу Фанцзе.

— Какого ты самородка отхватила в этот раз! — с легкой завистью вздохнула Ли Минхуэй. — Жаль, мне о таком только мечтать приходится. Настоящих талантов днем с огнем не сыщешь.

Оперное искусство требовало жесткой подготовки с самых ранних лет. Но армейский ансамбль набирал людей строго с восемнадцати, а значит, Ли Минхуэй приходилось иметь дело исключительно с недоучками. Для простых людей служба здесь была синонимом заветной «железной миски риса» — гарантированного куска хлеба и стабильности, и ни один здравомыслящий родитель не отдал бы малолетнее чадо в изнурительную оперную школу. Минхуэй слышала, что в мегаполисах работали Дворцы пионеров, где одаренных детей пестовали с малых лет, но глухому городку Хэло о подобной роскоши оставалось лишь грезить. Оттого-то она так откровенно завидовала коллеге, умудрившейся заполучить редкое дарование вроде Сун Чжиши.

Чжу Фанцзе не без гордости улыбнулась, но поспешила успокоить подругу:

— Всему свое время, успеется.

— Тебе легко говорить, — горько усмехнулась Минхуэй. — А у меня земля под ногами горит!

Ли Минхуэй подошла к окну и машинально глянула во двор. Спустя секунду её лицо потемнело от гнева.

— Послушай, а твоя Ян Хуэйцинь не слишком ли много на себя берет?

Чжу Фанцзе недоуменно вскинула брови. Вместо ответа подруга молча указала пальцем во двор.

Возмущению Минхуэй не было предела.

— Мелкая, завистливая змея! — в сердцах бросила она. — Из таких никогда не выйдет ничего путного. Ума не приложу, о чём ты думала, доверяя ей руководство Танцевальной труппой!

Выглянув на улицу, Чжу Фанцзе увидела одинокую фигуру Чжиши, старательно тянувшего носок у ржавых армейских брусьев. От этой картины кровь прилила к лицу начальницы. Ярость тисками сдавила горло, но перед подругой оставалось лишь виновато развести руками:

— А кого мне ещё ставить? Сама знаешь, дефицит кадров. Я надеялась на Шашу, думала подготовить её себе на смену, но девчонка оказалась ленивым бездарем... Из неё толка — как из козла молока.

Заметить пробегающую мимо кабинета сотрудницу канцелярии оказалось как нельзя кстати.

— Сяо Чжэн, а ну-ка зайди на минуту, — окликнула её Чжу Фанцзе.

Начальница подозвала девушку поближе и что-то негромко надиктовала ей на ухо.

В балетном классе тем временем шла изнурительная разминка. Двери без стука распахнулись, и на пороге показалась давешняя канцеляристка.

— Кто здесь Сун Чжиши? — звонко спросила она, окинув взглядом притихший зал. — Срочно пройдите к руководителю Чжу.

В репетиционном классе воцарилась гробовая тишина. Десятки глаз мгновенно уставились на побелевшую приму.

Внутри у Ян Хуэйцинь всё похолодело. Она лихорадочно завертела головой, высматривая строптивца, но того и след простыл.

— Сейчас я его найду, одну минуту... — засуетилась она, выдавливая уродливую заискивающую улыбку, а про себя костеря дерзкого выскочку на чём свет стоит.

А внизу под окнами Сун Чжиши с самым «прилежным» видом разминался у брусьев, даже не подозревая, какое пламя уже бушевало в балетном классе.